

Ошибки советника Кирилова

В 2011 году исполняется 275 лет со дня основания Бузулукской крепости. Это хороший повод вспомнить добрым словом её основателя, обер-секретаря Сената, статского советника Ивана Кирилловича Кирилова, личность масштабную, яркую и незаурядную. Создатель генеральной ландкарты Российской империи и первого географического атласа, организатор и руководитель Известной (Оренбургской) экспедиции периода 1734-1736 годов.

Вместе с тем, изучая материалы, связанные с делами и именем этого человека, не оставляет ощущение какой-то фатальной несправедливости по отношению к нему. Прежде всего, отметим, что не сохранилось ни одного его портрета. Известно, что русский исследователь и «собиратель древностей российских» В. А. Дашков в XIX веке пожертвовал музеям «Собрание изображений русских деятелей», состоявшее из 243 портретов, скопированных с лучших подлинников Крамским, Репиным, Васнецовым и другими художниками, и в этом собрании был портрет И. К. Кирилова.

Самое главное, в Оренбургской области, обязанной Кирилову своим существованием, нет памятника, бюста или иного монументального сооружения в память об этом выдающемся ученом и государственном деятеле. И дело здесь, как думается, вовсе не в отсутствии его прижизненного портрета.

Развитие капитализма в России сопровождалось освоением огромной территории, лежащей к востоку и юго-востоку Империи. Россия прирастала, в основном, как и сказал Ломоносов, Сибирью.

Прирастание это осуществлялось не всегда мирно, вопреки противодействию местного населения и сложившемуся феодальному способу хозяйствования. Башкирский край был интересен природными богатствами, и Урал, в последующем, стал основной металлургической базой страны.

Собственно И. К. Кирилов перед своей экспедицией и ставил задачу разведки полезных ископаемых и постройки горных заводов.

Но земля Башкирии богата не только недрами. Это плодородная черная земля, которая может произрастить любую сельскохозяйственную продукцию. Однако башкиры занимались в те времена преимущественно скотоводством, охотой и бортничеством. Хлеб они покупали в обмен на пушнину, мед и другую продукцию. Товарного хлеба в Башкирии не было. Урожая с немногих башкирских пашен не хватало даже местному населению, а строительство крепостей требовало больших запасов продовольствия для обеспечения гарнизонов. Хлеб нужен был и для рабочих горных заводов, постройка которых намечалась планом Оренбургской экспедиции. Поэтому ещё одной из задач экспедиции было содействие переселению русских крестьян и развитию земледелия. Крепостное право позволяло переселять крестьян целыми деревнями.

Под крепости и заводы, под заводские деревни и пашни русских крестьян изымалась убашкирродовая, вотчинная земля. Вот здесь и проявилось серьезное противоречие, приведшее к кровавым восстаниям башкирского народа против проводимой царизмом колониальной политики. Уменьшение пастбищ, ограничение нормального развития полукочевого скотоводства — основной от хозяйства башкир — вызвало массовое их недовольство.

Сохранились ярлыки, в которых описаны налоги, уплачиваемые населением. Самый известный — «ясак» или десятинная дань. Оброк в пользу хана и его семьи

носил название «клан». Подать на выплату жалованья войскам — «салыг». Кроме того, платили таможенную пошлину — «кулуш-култык» или «бадж», сельский налог — «сала-хараджи», земельный налог — «ер хаблясы», налог на продовольствие проезжающих чиновников — «сусун», на фураж для лошадей чиновников — «гулюфе», плата за дым с трубы — «тутун», налог мусульманскому духовенству — «гушр», который тоже представлял собой десятину.

Если историки называли правление татаро-монгол на Руси игом, то это была полная кабала.

Но это ещё не всё! Башкиры, живущие по рекам Самаре и Иргизу, попали под власть ногайских ханов, и это было настоящим бедствием. Ногайцы обосновались в Большой Орде ещё при жизни чингизида Едигея. Это были воинственные и жестокие степняки, в основном своей массе потомки огузов и кипчаков. Основная их территория располагалась между Волгой и Яиком, но занимали они и предгорья Уральского хребта с востока и запада. Занимались они скотоводством, не сеяли хлеб, почти не занимались торговлей, денег не употребляли, меняли скот на одежду и оружие. В первой половине XVI века численность их войска достигала 200 тысяч всадников, но в отличие от татаро-монгол, у них не было серьезных воинских побед, поскольку они не отличались дисциплиной, были скорее ополчением, собранным для похода, а не воинами-профессионалами. К тому же между ними не было согласия: ногайские мурзы беспрерывно воевали между собой за пастбища, угнанный скот и невест. Ногайцы совершали набеги на Польшу, Литву (в те времена так называлась нынешняя Белоруссия!) и трижды на Русь. В 1449 году их отразили касимовские татары, а в 1451 году они дошли до Коломны, но не смогли взять Москву.

Башкирские родословные списки-шежере и народные предания рассказывают о жестокости к башкирам ногайских ханов, особенно Акназара. Этот хан «всячески их изнурял и в бессилие приводил; ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допускал и как скот, так пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владел, также через реку Белую переходить не допускал, а кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице». Это сведения из Хроники главного старшины Ногайской дороги Кыдряса Муллакаева, записанной П. И. Рычковым и опубликованной в его «Истории Оренбургской».

Вот так под двойным гнетом казанских и ногайских ханов жили башкиры. Поэтому, когда в октябре 1552 года Иван Грозный, устав от постоянных набегов на Русь и угроз со стороны татар, покорял Казань, башкиры встали на его сторону и вместе с русскими воевали город. Об этом говорится в башкирском эпосе «Юлай и Салават». Если кратко, то речь там идет о том, что Шагали Шакман, вождь союза 7 племен: кыпчак, табын, юрматы, кувакан, айле, катый и тамьян со своим войском помог царю Ивану взять Казань, а потом присягнул царю на верность и определил границы земель, которые царь закрепил за башкирами. Записано все это было на оленьей шкуре и скреплено указанием имен (подписями).

Стоит отметить, что вопреки широко распространенному мнению о жестокости Ивана Грозного, взяв Казань, не ликовал он. Тела защитников Казани, сложенные рядами, потрясли его, царь плакал и говорил: «Это не христиане, но люди, сотворенные Богом».

У тел погибших русских воинов он молился Богу, повелев тушить пожары в городе, а все захваченные богатства отдал войску, взяв себе только утварь царскую, венец, жезл, знамя и пушки. Из неволи было освобождено около 100 тысяч русских людей, ранее угнанных татарами в полон.

Ни единого слова плохого или хорошего не сказал царь о казанцах, ни о живых, ни о мертвых. Ни ненависти, ни злобы не было у него. В тот же день Иван послал жалованные грамоты по всей округе, объявляя жителям мир и безопасность: «Идите к нам без ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям казанским». Его слушали, его словам верили. В Иване Грозном текла не только славянская кровь, его мать Елена Глинская была потомком знаменитого темника Мамай, разбитого Дмитрием Донским на поле Куликовом.

Башкирские предания утверждают, что у стен Казани царь предложил и другим башкирским князьям присоединиться к его государству. В течение пяти лет к Московскому государству присоединились башкиры, бывшие ранее под властью Ногайской орды и Сибирского ханства. За время правления Ивана Грозного территория Русского государства выросла почти в 2 раза: с 2,8 до 5,4 миллионов квадратных километров, и стала больше площади всей остальной Европы.

Въехав в Москву 28 октября 1552 года Иван Грозный, обращаясь к собору православного духовенства, впервые назвал свою страну Россией, а граждан россиянами (хотя церковники считают, что слово Россия впервые употреблено митрополитом Макарием). По сути добровольное присоединение башкир к Московскому государству и есть рождение Российского государства, как многонационального и многоконфессионального, поскольку в единое политическое образование вошли народы, говорящие на разных языках и исповедовавшие разные религии: христианство и ислам.

П. И. Рычков подтверждает добровольное присоединение башкир к Московскому государству: «Когда царь Иван Васильевич взял Казань во владение, тогда башкирцы остались не завоеваны; но усмотри порядочные россиян поступки с казанским народом, и что только настоящий ясак с них берут, а не так как от прежних ханов посланные мурзы больше себя богатели и народ разоряли, пришли сами в подданство Российское при нем же Иване Васильевиче, сперва по сю, то есть на Уфимскую сторону Уральских гор живущие, а потом на них смотря и зауральские башкирцы, и получили де от его величества жалованную грамоту на все свои волости».

Сохранение вотчинных прав на землю было главным условием добровольного присоединения Башкирии к Московскому государству. Для башкир того времени вотчинная земля была не только районом сезонных кочевков. Эта земля была для них большой и малой Родиной, определяла их в сословие землевладельцев, освобождала от закрепощения. Отнимая вотчинную землю, у башкир отнимали родину и свободу. Вот почему они подняли восстание, когда узнали о намерениях экспедиции Кирилова.

Как только Кирилов и Тевкелев появились в Уфе и объявили о своем намерении отправиться к устью реки Ори для основания города Оренбурга, а потом и в другие местности для построения крепостей, так башкиры взволновались.

Они послали в Уфу к Кирилову трех послов сказать от лица народа, что не допустят его похода на реку Ор, не позволят постройки нового города Оренбурга и крепостей по границе с казахами.

«Царь Иоанн, — говорили они, — даровал в 1556 году нам вольность жить по древним нашим обычаям и чтобы на наших землях русских не было; на этих условиях наши предки признали себя данниками и пошли в российское подданство. Но тот же царь Иоанн, вопреки жалованной грамоте, начал строить города, населять их русскими, раздавать им наши земли, подчинил нас своим законам, жестоким и корыстолюбивым

воеводам. Наследники Иоанна навели сюда русских людей десятками тысяч, раздали наши земли дворянам, стрельцам, купцам, монастырям, крестьянам. Не довольствуясь Уфой, Бирском и Мензелинском, русские построили на наших землях Самару, Билярск, Заинек, Табынск, а теперь помышляют о постройке Оренбурга и всяких крепостей там, где их не было и не было русских людей. Этого мы позволить не можем, а потому будем искать наше право оружием и все до единого готовы умереть за свободу. Русские нарушили свое слово, и мы отныне не считаем себя их данниками».

Действительно, много бед и несчастий башкирскому народу принесли зарвавшиеся представители Уфимской администрации в XVII и XVIII веках. В 1728 году население жаловалось царю на воеводу князя Шаховского и его помощников- ассессоров Тюменева и Лихачева, на уфимского фискала Ершова, казанского губернатора Зотова. Волокита и взяточничество уфимских руководителей удивили даже видавшего виды И. К. Кирилова, который ознакомившись с порядками уфимских властей доносил в Кабинет: «Суд застал по здешнему народу весьма обидной».

Война 1735-1740 годов началась в июле нападением отряда башкир Ногайской дороги под предводительством Кильмяка-абыза на 5 рот Вологодского драгунского полка, шедших из Казани в Уфу. Драгуны были разбиты наголову. После этого башкиры напали на лагерь Кирилова под Уфой, на многие русские селения, побив немало безвинного люду.

Надо признать, восстания башкир приносили вред не столько заводчикам и промышленникам, которые могли отсидеться за стенами своих укреплений под защитой вооруженной охраны, сколько работающим на них крепостным: рабочим, крестьянам, которые не по своей воле, а от нужды ехали в земли далекие.

Но восставшие башкиры не вникали в тонкости колониальной политики царизма, а нападали, жгли и безжалостно разоряли поселения русских работяг. К сожалению, так было.

В августе и сентябре 1735 г. восстанием были охвачены башкиры трех дорог: Ногайской, Сибирской и Казанской. Повстанческие отряды не только всячески мешали Кирилову в осуществлении его целей, но и совершали нападения на Мензелинск, Билярск, Старошешминск, появились около Закамской укрепленной линии, стремясь перекинуть огонь восстания к татарам и другим народам Поволжья. Напуганная размахом военных действий башкир и опасностью вовлечения в нее других народов Поволжья, императрица Анна Иоанновна издала Указ от 11 февраля 1736 г. Этот указ разрешал применять разные методы для подавления восстания: казнить, ссылат, клеймить участников бунта.

Поздней осенью 1736 г. в Башкирии сосредотачивается большое количество правительственных войск. Восставшие жестоко поплатились за свое свободолюбие и попытку жить самостоятельно.

Кирилов был сторонником карательных мер борьбы и не церемонился с бунтовщиками, чем и запомнился местному населению. «Вашего императорского величества счастьем, — доносил Кирилов императрице Анне Иоанновне 26 января 1737 г., — башкирский народ в такое уже состояние приведен, что с начала их подданства никогда таковыми послушны не были и никогда ж страху за свои злодеяния не ведали, как ныне есть».

Он указал, что собственно башкир имеется всего около 40 тысяч: «Что из того числа по нынешнему случаю бунта несколько тысяч побито и развезено», что Казанская и Осинская дороги находятся в полной покорности, а «прочия ж от голоду и холоду страждут».

Полковник Бердукевич доносил Кирилову, что башкиры, живущие по реке Ик, «от голоду мрут, а оставшиеся собак и кошек едят, а и того им недостает, иза бессилием и отчаянием принуждены мертвых бросать». Царским властям пришлось посылать специальные отряды для погребения трупов. По сведениям Р. Игнатьева, «во время усмирения Кильмяк-абызовского бунта в 1735-1740 годов было побито, казнено и сослано 30 тысяч башкир. Шесть главных мятежников бунта были посажены на железные колья на высоких каменных столбах, одиннадцать человек повешены на железные крючья за ребра, восемьдесят человек просто повешено, двадцати одному отрублены головы».

Но главное, за что Кирилова до сих пор ненавидят башкирские националисты, можно понять из документа, датированного 13 января 1735 года: «Изъяснение И. К. Кирилова о территориальном и внутриродовом разделении башкир Уфимского уезда, о живущем на их земле нерусском населении и о мерах борьбы с магометанством и перенаселением уезда». В начале своего «Изъяснения» Кирилов действительно описывает деление башкир на волости, дает описание населения, уплату ясака. А дальше обвиняет мусульманское духовенство в привлечении мордвы, чуваш и вотяков в свою веру: «... воздержным своим житием простяков к себе привлекают, школы имеют и обучают, мечетей множество настроили, чего ныне хотя нельзя у сего своевольного народу пресечь, но впредь нужно стараться, ибо и без прибылых от многоженства настоящих башкирцев великое множество лю-дей, и время от времени прибывают».

И дает рекомендации, которые несовместимы с христианскими православными нормами, но способствуют, на его взгляд, решению политических задач колонизации края: «Стараться чаще направлять башкир на военную службу. В это время жены их без плода останутся, а кого убьют, те и вовсе не возвратятся. Как исстари такую политику во всем государстве делали во время Шведской, Польской и Турецкой войн, так следует их перед войском в первых рядах на погибель посылать. За всякое преступление ссылать башкир в Отзею, Рогервик, во флот, в рекруты отправлять, чтоб они многоженством своим народ не размножали. Духовных лиц ссылать за малейшую провинность, так как за воздержанную жизнь их пророками считают. Они просвещают, учат народ — потому вредны.

Если по чьим-либо искам за башкиром окажется долг, взыскать его с имущества полностью. Если имущества не хватит, за остальное ссылать под видом отрабатывания долга на каторгу, ссылать безвозвратно. Запретить покрывать иск кому-либо из родственников.

Сами башкиры мало воруют. Однако между ними часто вспыхивают ссоры. Если при этом случится убийство, то участников ссоры иных казнить, а иных ссылать в Рогервик».

Как вам эти рекомендации? Вот это и было роковой ошибкой статского советника Кирилова. Он полагал приемлемым иезуитский принцип: «цель оправдывает средства». На самом деле — «цель оправдывают средства»! Вот поэтому ему до сих пор не поставили памятника. Дань толерантности. Из-за боязни вызвать недовольство националистически настроенной части башкирского народа.

На самом деле, повода для ненависти к Кирилову на национальной почве не должно быть. Так же жестоко, по принципу «цель оправдывает средства», царские власти поступали и с русскими бунтовщиками, и иными «возмутителями спокойствия»: вешали, рубили головы, колесовали, рвали ноздри, били шомполами и ссылали на каторгу, в Рогервик и Отзею. Дело ведь не в национальностях, а в методах достижения целей, которыми руководствуется политическая «элита», управляющая народом.

Как умный человек и хороший психолог, И. К. Кирилов прекрасно понимал, что не только силой, но и улучшением нравов, воспитанием и образованием можно достичь желаемого мира и согласия, правда, это требовало несравненно больших затрат материальных, интеллектуальных ресурсов и времени, но именно этого у Кирилова и не было...

«Школы в Уфе для обучения иноверцев русскому языку весьма нужно учредить и на содержание книг, учителей и школ в год до 300 руб. определить, понеже и с того государству невидимая многая будет польза, потому что обучающиеся грамоте познают закон христианский и законы гражданские, чрез что от продерзостей наиболее удержаться; токмо тех учеников не брать силою и не принуждать, и учителем с ними поступать весьма осторожно, к чему учителя способного Святейший Правительствующий Синод изобрести может».

Единство и взаимопонимание людей может быть основано лишь на уважении и любви. Лучше других, пожалуй, сумел выразить эту мысль русский поэт Федор Иванович Тютчев:

*«Единство — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
А мы попробуем спаять его любовью
А там посмотрим — что сильнее...*

Шел XVIII г век, названный в истории «золотым». Век, когда в России существовало рабство собственных граждан, до сих пор стыдливо именуемое в учебниках истории «крепостным правом». Когда людей вне зависимости от национальности, словно животных, покупали, продавали, забивали насмерть, разлучали при продаже целые семьи, когда один человек был хозяином другого. А ведь еще мудрый царь Соломон говорил: «Человек властвует над человеком во вред ему». И священные тексты Корана запрещают рабство, там сказано, что не должны одни люди обращать в рабов других.

«Не судите, да не судимы будете», — сказано в старинной, мудрой книге — Библии. Не будем и мы слишком строги к Кирилову, который отдал свои здоровье и жизнь ради могущества и процветания Российской империи, и умер, оставив своей семье лишь неоплатные долги, которые позже государство, все же вспомнив о его заслугах, погасило.

Пройдет время, поумнеют люди, по-справедливому переосмыслят историю. Отделят зерна от плевел. Вспомнят и Ивана Кирилловича Кирилова: за плохое не одобряют, за хорошее помянут словом добрым и поставят памятник. Не Кирилову-чиновнику, усмирителю народных бунтов и восстаний, а Кирилову-ученому, Кирилову-картографу, за собственные средства издавшему «Атлас Всероссийской империи», Кирилову-руководителю географических экспедиций, строителю крепостей и основателю Оренбургского края!